

Орийаке, где Одон Клунийский ввел весьма строгий устав, Герберт на три года отправляется учиться в Испанию и знакомится там с арабской наукой; затем он едет в Реймскую школу, в 982 г. становится аббатом Боббио, в 991-м — архиепископом Реймса, в 998-м — архиепископом Равенны; в 999 г. он был избран папой под именем Сильвестра II; умер Герберт в 1003 г. Эрудиция его была необычайно широка. В отличие от большинства своих современников, даже образованных, он овладел не только «три-виум», но и «квадривиум». Риторика Герберт изучал по произведениям древних авторов; при изучении диалектики он пользовался не только аристотелевскими «Категориями» и «Об истолковании», но также, по примеру своего современника Аббона, — посвященными логике комментариями Боэция. Письма Герберта свидетельствуют о его интересе к арифметике, астрономии и музыке. Таким образом, Герберт полностью владел культурой свободных искусств. Историк Рише подробно рассказывает о программе, которой Герберт руководствовался в преподавании логики: «Излагая диалектику в порядке следования книг, он подробно разъяснял смысл отдельных фраз.

Вначале Герберт объяснял «Исагога» Порфирия, то есть «Введение» по переводу ритора Викторина, потом тот же текст — по Боэцию. Он изъяснял «Категории», или «Предикаменты», а что касается «Perihermeneias», или «Об истолковании», то он показывал все их трудности. Затем, изучив «Топики», или «Расположение аргументов», — книгу, переведенную с греческого на латинский Цицероном и истолкованную консулом Боэцием в шести книгах комментариев, он сообщал о ней своим слушателям. Этот учебный курс, отражавший состояние знаний той эпохи о логике Аристотеля, дополнялся небольшим произведением самого Герберта — «О рациональном и об использовании разума» («De rationale et ratione uti»), посвященным пропозициональной логике: рациональное пользуется разумом, в котором, вопреки общепринятому мнению, предикат кажется менее универсальным, чем субъект. Герберт также является автором «Геометрии» и «Книги об астролябии» («Liber de astrolabio»), где чувствуется влияние арабской науки. Совокупность этих произведений свидетельствует, что возрождение классической энциклопедической культуры произошло на протяжении двух последних десятилетий X века, то есть несколько раньше, чем обычно считают.

Обладая всеми качествами, необходимыми для папы, которым ему предстояло в конце концов стать, Герберт Орильякский не знал угрызений совести, испытываемых некоторыми приверженцами грамматики. Его переписку переполняет горячая любовь к литературе. Как гуманист он более всего любил книги и постоянно беспокоился о тех из них, которые кому-либо опрометчиво одолжил. «Libros nostros festinantius remittite»*, — писал он какому-либо из должников, и если тот не спешил вернуть книгу после такого предупреждения, то Герберт обращался к языку Цицерона: «Quousque tandem abutemini patientia nostra?»** Если кто-то просил его об услуге, Герберт охотно ее оказывал, но в обмен на манускрипт. Когда Ремигий Трирский попросил его прислать сферу для занятий астрономией, Герберт обещал это сделать, если тот пришлет

173.

3. От Эйрика Оксеррского до Герберта Орильякского

е1лу хорошую копию «Ахиллеиды» Стация*, ремигий послал ее, но «Ахиллеида» — незаконченная поэма, а Герберт этого не знал. Он упрекнул Ремигия, что тот прислал неполный манускрипт, и, чтобы наказать его, послал ему сферу из крашеного дерева, а не обитую кожей, как того заслуживала бы полная копия. Герберту мы обязаны сохранением нескольких речей Цицерона; он сам в одном из писем сформулировал идеал, вдохновлявший его любовь к латинским классикам: никогда не отделять склонности к